

© 2019

Тадеуш Адуло

доктор философских наук, профессор,
заведующий Центром социально-философских
и антропологических исследований Института философии НАН Беларуси
(e-mail: tadoul@mail.ru)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КУРС БЕЛАРУСИ: ОБРЕТЕННЫЙ ОПЫТ И СТРАТЕГИЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ

В статье дана развёрнутая характеристика масштабных социально-экономических преобразований в Беларуси на рубеже XX – XXI веков. Государству удалось избежать политических потрясений, но со значительными издержками для граждан и народного хозяйства. В ходе реформ учитывались интересы различных социальных слоев населения. Государство сохранило базовые отрасли народнохозяйственного комплекса, учреждения образования, науки и культуры. Тем не менее, осталось еще много нерешенных проблем: ускорения перевода экономики на инновационный путь. На их решение нацелены принятые в последние годы программные документы.

Ключевые слова: Республика Беларусь, общественный строй, социально-экономические преобразования, рыночные экономические отношения, народнохозяйственный комплекс Беларуси, проект «Беларусь интеллектуальная», человеческий капитал, интеллектуальный капитал, политическое согласие.

DOI: 10.31857/S020736760004294-2

Человеческая история загадочна и непредсказуема. Могли ли советские люди, скажем, послевоенные поколения, предположить, что избранный ими, казалось бы, единственно верный социальный проект построения гуманного общества так и останется лишь теоретическим проектом? Более того, могли ли они предположить, что этот выстраданный и частично ими уже реализованный проект не кем иным, а именно советскими политиками, обществоведами и ведущими государственными средствами массовой информации во второй половине 1980-х годов будет подвергнут разрушительной критике и отброшен? Но это случилось.

О причинах краха коммунистической идеологии, советского социалистического общества и крушения мощнейшего государства XX века к настоящему времени изданы горы публицистической и научной литературы. Появится ещё немало научных исследований, разного рода фальсификаций по этой злободневной теме, поскольку развал СССР существенно изменил жизнь не только советских людей. Он изменил нашу планету. Но, прежде всего, судьбы людей и социальные процессы в бывших союзных республиках СССР, ставших в одночасье субъектами международного права.

Таким же субъектом международного права стала в 1991 году и Беларусь. Правда, и до этого года юридически таковой она была – являлась одним из учредителей и полноправным членом ООН. Фактически – лишь одним из пятнадцати равноправных субъектов единого государства под названием СССР. Поэтому Беларуси, как и многим другим бывшим союзным

республикам, впервые в своей истории пришлось самостоятельно выстраивать свой экономический и политический курс. Хотя о самостоятельности в 1990-е годы приходится говорить лишь условно. Во-первых, слишком тесные экономические связи еще сохранялись на постсоветском пространстве, и, во-вторых, вектор экономического и политического курса союзным республикам был задан в рамках СССР — «рыночная экономика», политический курс «вхождения в общеевропейский дом» и т. п. идеи пропагандировались и практически реализовывались СССР со второй половины 1980-х годов. К тому же и Запад не был безразличен к новым субъектам международного права.

Но всё-таки Беларусь, как и другие обретшие самостоятельность союзные республики, уже могли избирать и проводить в жизнь, насколько позволяли им это делать объективные обстоятельства, свои собственные программы социально-экономического и политического развития. И здесь обнаружилось изначальное расхождение бывших союзных республик в выборе своего пути.

Первые социально-экономические уроки суверенного существования Беларуси

С 1991 по 1994 год Беларусь шла тем же путем, что и Россия, — обвальная приватизация, закрытие промышленных предприятий, обнищание масс и т.п. явления стали типичными. При этом гражданам Беларуси, и самому государству приходилось выживать намного труднее, поскольку ВВП государства формировался не за счет добычи и экспорта природных ресурсов, как в России, Казахстане, Туркменистане, а за счет экспорта произведенной промышленной и сельскохозяйственной продукции — тракторов, грузовых автомобилей, холодильников, телевизоров, мотоциклов, велосипедов, мяса, молочной продукции и т. д. Но эта продукция оказалась не востребованной на постсоветском пространстве, во-первых, по причине отсутствия финансовых средств у потенциальных покупателей (средства тратились в основном на обустройство собственных государственных институтов), и, во-вторых, в силу того, что рынки постсоветских государств активно осваивались, вернее, агрессивно захватывались транснациональными корпорациями.

К 1994 году в народнохозяйственном комплексе Беларуси сложилась такая картина. Основные макроэкономические показатели Республики Беларусь в 1995 г. по отношению к 1991 г. (не самому благополучному) составили (в процентах): ВВП — 65,3, продукция промышленности — 61,4, продукция сельского хозяйства — 73,6, реальные денежные доходы населения — 62,2, инвестиции в основной капитал — 38,5, индекс роста потребительских цен — 43,9 тыс. раз [1. С. 410]. В дальнейшем темпы падения промышленного и сельскохозяйственного производства хотя и замедлились, но всё же продолжались. В 2001 г. по сравнению с 1991 г. производство основных видов промышленной продукции снизилось: грузовых автомобилей — в 2,5 раза, тракторов — в 4,4 раза, телевизоров — в 2,1 раза, мотоциклов — в 11,4 раза, химических волокон — в 2 раза, кормоуборочных комбайнов — в 16,6 раза [1. С. 89—110].

Одна из ключевых проблем белорусского общества 1990-х годов — проблема адаптации к радикально изменившейся среде, в первую очередь к новым политическим и экономическим отношениям, выстраивавшимся тем же командно-административным путём сверху. Например, в ту эпоху предложили в качестве основного и едва ли не единственного инструмента преобразования экономики в рыночном направлении т. н. «шоковую терапию». Результаты «шоковой терапии» оказались плачевными [2. С. 73–78]. И дело не только в масштабном падении производства, резкой поляризации общества, о чём постоянно напоминали аналитики, но и в дискредитации рынка, пессимизме как доминанте общественной атмосферы. Граждане всё более и более разучивались в правильности избранного и навязываемого «верхами» курса. Уже в начале 1990-х годов такой позиции придерживались отдельные политики, учёные, деятели культуры и искусства. В Беларуси отношение граждан к реформированию национальной экономики в рыночном направлении также проявлялось неоднозначно: рыночный курс то поддерживали, то резко осуждали, то вновь поддерживали. Такая же картина наблюдалась и у наших соседей.

Общество с рыночной экономикой традиционно называют капитализмом. В XX веке термин «капитализм» потерял былую привлекательность. Собственно, и сам капитализм в результате экономических кризисов, особенно Великого экономического кризиса конца 20-х — начала 30-х годов XX века, а также активной борьбы наёмных работников за свои права заметно изменился, в некоторых странах, например, в Швеции, Германии приобрел человеческое лицо. Поэтому применительно к современному западному обществу чаще используют термины «открытое общество», «постиндустриальное общество» и др. Известный финансист Дж. Сорос его обычно определяет как «глобальную капиталистическую систему» [3. С. 6–7].

В целом, в стратегическом плане Беларусь, как и наши соседи, вступила на проторённый Европой и Америкой путь, что нашло отражение в конституции государства. Однако, несмотря на неподвластную человеческой воле поступь истории, каждая отдельная составляющая социума — этнос, нация, государство — уникальны и неповторимы. Вот и Беларусь в середине 1990-х годов была по-своему уникальна. Но её уникальность состояла отнюдь не в попытке изобретения того, чего мир ещё не знал, не в попытке повернуть ход истории вспять, а в *конкретном способе* достижения чётко поставленной на ближайшую и отдалённую перспективу цели — построения суверенного (в подлинном смысле этого слова), т. е. экономически и политически самостоятельного, высокоразвитого в научно-техническом и культурном плане государства, обеспечивающего достойную жизнь и необходимую защиту своим гражданам.

В чём своеобразие тактики достижения поставленной столь масштабной цели? Формирование рынка — длительный и непростой процесс. На рыночном пути, особенно на самом первом этапе, предполагающем накопление и концентрацию капитала, в основном частного,

общество подстерегают различные опасности, способные вызвать хаос, смуту, серьёзные потрясения, откат назад. Опасность первых шагов рыночных преобразований у нас была значительно сильнее по сравнению с Западом. И вот почему. Запад формировал рынок на протяжении нескольких веков — медленно, постепенно, никуда не сворачивая, т. е. как шел раньше, так идёт и сейчас в том же направлении, вырабатывая при этом, безусловно, новые и совершенствуя уже сложившиеся соответствующие институты и механизмы регулирования социальных отношений. Белорусы же, ещё в составе Российской империи только вступив на капиталистический путь развития, в 1917 году свернули с него, избрали, как и другие нации, ставшие союзными республиками СССР, иную социальную модель. Поэтому задачи, которые стоят перед рыночным Западом и перед нами, — совершенно разные. Запад решает задачу совершенствования рыночного механизма с учётом бурно изменившихся на рубеже XX — XXI вв. обстоятельств. Он желает не только сохранить, но и значительно упрочить свой статус-кво, в том числе за счёт благополучия граждан других государств. Нам же предстояло одновременно решать несколько сложнее задач — перейти от жестко централизованной к рыночной экономике, т. е. сформировать, фактически с нуля, рыночный механизм, с минимумом потерь вписаться в мировую систему хозяйствования, отыскать свою нишу, обеспечить при этом приемлемый уровень жизни гражданам. Вот почему был нужен взвешенный, осмысленный подход к решению задач по реформированию наших общественных устоев, вот почему нужна была *идеология государства*, понимаемая как программа практических действий [4. С. 18–22].

На этом пути в начале 1990-х годов были допущены серьёзные ошибки: Беларусь, как и Россия, прошла печально запомнившиеся старшему поколению людей ступени ускоренного либерального рыночного реформирования — резкое снижение регулирующей роли государства, свободные цены, гиперинфляцию, акционирование, чековую приватизацию и т. п. Только с середины 1990-х годов реформы в нашем государстве стали обретать более продуманный облик.

Главное отличие социально-экономического развития страны в переходный период состояло в том, что, во-первых, реализация этого курса проводилась постепенно и была рассчитана на длительный срок, благодаря чему государство избежало серьёзных социальных потрясений на первом — самом ответственном этапе реформирования общественных устоев белорусской нации. Во-вторых, проводимые реформы сверялись с жизненными условиями населения и при необходимости корректировались. Ведь реформы проводились не ради реформ. По этой причине осуществляемый в стране социально-экономический курс был *более человечен* по сравнению с курсом «шоковой терапии».

В тот исторический период, впрочем, нередко и сейчас, особенно на уровне обывденного сознания, западное общество представляют беспроblemным. На самом деле, и на Западе не всё так благополучно. Есть там безработица, коррупция, преступность, жёсткая конкуренция,

экономические спады, падение котировок акций, огромные психологические нагрузки, связанные с постоянным риском реализации бизнес-проектов и т. п. В этой связи возникал соблазн взять от рыночной экономики лишь лучшие стороны, а от плохих сторон — наотрез отказаться. Конечно, от некоторых принципов рыночной экономики решительно отказывались. На то и существует государственная политика. Например, в Беларуси установили более жёсткий допустимый предел уровня безработицы, определили строгие социальные стандарты и т. д. Но мы же берём на вооружение саму систему хозяйствования. Что-то можно от неё отсечь, но всё равно её сущность останется. Если мы признали частную собственность, конкуренцию, то, естественно, в нашем обществе формируются различные по своему имущественному положению социальные слои — богатые (собственники) и не богатые люди (не собственники), вынужденные устраиваться на работу по найму, есть процветающие и разоряющиеся предприятия, реальностью становится безработица. Это те рычаги, которые определяют и обеспечивают функционирование рыночной экономики, в отличие от командно-административной системы, где все или почти все регулирующие функции брало на себя государство.

С другой стороны, мы берём лишь саму систему рыночной экономики. Любая система приобретает национальные особенности. Это касается и рыночного типа хозяйствования. Попытка полностью скопировать экономическую или политическую модель у других государств не даст позитивного результата. При переориентации на новый тип экономических отношений надо исходить из своей истории, строить здание на национальном фундаменте. Рыночная экономика предполагает значительное ослабление регулирующей роли государства. Но это «ослабление», опять же, должно осуществляться, как представляется, постепенно, с учётом конкретной ситуации. Прежде чем снижать регулиющую роль государства, целесообразно сформировать у граждан соответствующий уровень правовой и нравственной культуры, привить им чувство ответственности.

Неприятие многими гражданами Беларуси радикальных рыночных преобразований было связано отчасти с теми существенными изменениями, которые происходили в сфере образования и культуры, социальной сфере. Общество привыкло к бесплатному образованию, медицинскому обслуживанию, государственному обеспечению жильём, гарантированному государством трудоустройству, социально-обеспеченной старости и другим социальным гарантиям. Но всё больше социальных услуг становилось платными — образование, медицина и др. Негативное отношение к рыночной экономике обуславливалось и психологическим фактором трудоустройства в частную фирму. На государственном предприятии по отношению к нанимателю (государству) и его директор, и простые рабочие находятся в относительно равных условиях. И один, и другие — наёмные работники. В частной фирме — иные отношения: один выступает как работодатель, хозяин, собственник, другой — лишь наёмный работник, не более. И не всегда между нани-

мателем и наёмным работником складываются нормальные и, тем более, доверительные отношения. Одной из причин неприятия рыночных реформ стало резкое снижение нравственных устоев общества, вызванное именно этими реформами. С одной стороны, мы ещё исповедовали такие нравственные нормы, как коллективизм, общественное благо, взаимопомощь, милосердие, сострадание и др. С другой стороны, мы постепенно изменялись, в нас самих в большей мере стали проявляться индивидуализм, расчётливость, стремление к накопительству. От этих «рыночных ценностей» обществу не отгородиться, хотя они не всем нравятся. Революционная ломка сложившихся устоев породила такие негативные явления, как жестокость, насилие, противостояние и др. Ведь речь шла о социальной роли и социальном статусе, реальным обладателем которых способен был стать отдельный индивид в рыночном обществе. И не многие, особенно из молодёжи, желали оказаться в роли наёмного работника. Большинство хотели стать собственниками, работодателями. Эту потребность «стать собственником» культивировали СМИ. За место «под солнцем» и велась ожесточённая борьба в процессе рыночных реформ. В революционные периоды человеческой истории духовность отходит на задний план, уступая место бездуховности. Именно с её проявлениями мы все чаще сталкивались в 1990-е годы.

Прочная экономическая основа — важнейший, но не единственный фактор социальной консолидации общества. Социальная консолидация немыслима при отсутствии политического согласия в обществе. В этом плане можно говорить о политической стабильности, или же, наоборот, о политической нестабильности государства. В 1990-е годы политическая жизнь в Беларуси, как и в других государствах, образовавшихся в результате распада СССР, была динамичной, характеризовалась противостоянием различных политических сил и политическими кризисами. В целом политическую обстановку нельзя было назвать благополучной. Это подтверждали и социологические опросы [5] (табл. 1).

Основная полемика в тот период развернулась относительно типа будущего общественно-политического строя белорусского государства. По своей идеологической ориентации общество разделилось на сторонников социализма и сторонников рынка (капитализма). Но и внутри этих двух больших полярных социальных групп не было политического единства. Сторонники социализма отстаивали различные концепции социалистического строя — от жёсткого «сталинского» до либерального, предложенного «младореформаторами». Приверженцы рынка, т. е. капитализма, спорили о том, какой из западных моделей политического устройства отдать предпочтение: одни ратовали за германскую модель, другие — за французскую, третьи — за английскую. Парламентарии отправлялись в Европу и изучали конституции различных государств, существующие системы власти. Вскоре, однако, политические дебаты пошли на убыль. Стало ясно, что даже самые лучшие западные образцы конституций и форм правления совершенно не пригодны для Беларуси — они оказывались на манер пиджака с чужого плеча. Поэтому

споры относительно достоинств и преимуществ конституционного устройства западных государств уступили место рутинной кропотливой работе по созданию собственной политической модели.

Таблица 1

Оценка гражданами республики общественно-политической ситуации (в процентах к числу опрошенных)

Ситуация	1990	1992	1994	1996	1998	2004
Благополучная	5	4	3	2	6	12,0
Спокойная	51	15	14	17	47	64,9
Напряжённая	27	57	65	59	31	16,0
Критическая, взрывоопасная	11	9	10	11	6	1,4
Затрудняюсь ответить	6	11	5	9	8	5,7

Уровень полемики между сторонниками и противниками социализма стал постепенно снижаться: социализм становился всё менее привлекательным для белорусских граждан (табл. 2).

Таблица 2

Отношение граждан Беларуси к типу общественного строя (в процентах к числу опрошенных)

На Ваш взгляд, какой строй предпочтителен для Беларуси?	1996 г.	1998 г.	2000 г.	2004 г.
Капитализм	16,8	23,5	25,8	23,5
Социализм	51,7	42,4	42,6	33,1
Другой	30,2	25,7	31,6	43,3

Причин тому несколько. Во-первых, с момента, когда Беларусь окончательно вступила на рыночный путь, закрепив в конституции частную собственность, «многообразие политических институтов, идеологий и мнений» и «приоритет общепризнанных принципов международного права» [6. С. 5–6], прошло немало лет. За эти годы сформировался достаточно мощный частный сектор экономики как сегмент национального хозяйственного комплекса — объем продукции, выпускаемой государственными промышленными предприятиями уменьшался, а объем продукции, производимой частными промышленными предприятиями, наоборот, имел устойчивую тенденцию к увеличению, что свидетельствовало о дальнейшем продвижении Беларуси по рыночному пути (в данном случае мы не касаемся тех нюансов, оттенков трансформаций, которые претерпел рынок в XX веке). Во-вторых, стало взрослым новое поколение людей, которые судят о социализме по публицистике 1990-х годов и школьным учебникам той эпохи, резко критиковавших этот общественный строй. Не читали они трудов К. Маркса и Г. В. Плеханова. Постигание философии

истории — в том числе студентами гуманитарных факультетов — базировалось на изучении работ Н. А. Бердяева, М. Вебера, П. Сорокина, А. Дж. Тойнби, О. Шпенглера. В-третьих, серьезный удар по марксистской теории и научному социализму в целом нанесли вошедшие в новые «демократические» институты и ставшие их идеологическим оплотом люди, давно отказавшиеся от учения К. Маркса, но по-прежнему причисляющие себя к коммунистам и публично называющие себя таковыми. В-четвертых, падение в общественном мнении идеи социализма связано с активной и целенаправленной идеологической обработкой общественного сознания средствами массовой информации, пропагандирующими ценности и образ жизни современной западной цивилизации в ущерб восточной цивилизации как «архаичной», якобы, только и пригодной для «социалистического эксперимента».

С другой стороны, не очень высоким доверием пользовался у граждан Беларуси и капитализм. В 1996 году ему отдали предпочтение лишь 16,8% респондентов, в 2004 году — 23,5%. Но если учесть тот факт, что в 2004 году только 14% лиц в возрасте до 30 лет отдали предпочтение социализму, а 40% из них — капитализму, то потенциал последнего в общественном сознании белорусов имел устойчивую тенденцию к росту, а потенциал первого, наоборот, к снижению (табл. 3).

Таблица 3

Отношение граждан Беларуси различных возрастных групп к типу общественного строя (в процентах к числу опрошенных в 2004 году)

На Ваш взгляд, какой строй предпочтителен для Беларуси?	До 30 лет	30-39 лет	40-49 лет	50-59 лет	60-69 лет	70 лет и старше	Итого
Капитализм	39,6	29,2	21,3	12,4	7,2	19,8	23,5
Социализм	14,6	23,1	26,3	39,7	67,7	60,6	31,1
Другой	45,8	47,6	52,5	47,9	25,1	19,6	43,3

Граждане Беларуси не были противниками рынка. Но они категорически отвергали криминальный рынок, «шоковую терапию», предполагающую достижение цели любой ценой, посягательства других держав на национальные интересы. Вот главная причина столь настороженного отношения граждан Беларуси к частному бизнесу (табл. 4).

Таблица 4

Отношение граждан Беларуси к частному бизнесу (в процентах к числу опрошенных)

Доверяете ли Вы частному бизнесу?	1998 г.	2000 г.	2004 г.
Да	20	22	30
Нет	42	41	31
Трудно сказать	35	36	39
Нет ответа	3	1	0

Правда, по сравнению с 1990-ми годами в начале XXI века произошли значительные позитивные подвижки в общественном мнении по отношению к частному бизнесу. В 2004 году ему стали больше доверять, особенно люди в возрасте до 30 лет (40,3%) и в возрасте 30–39 лет (41,4%).

Таблица 5

**Отношение граждан Беларуси различных возрастных групп к частному бизнесу
(в процентах к числу опрошенных в 2004 году)**

Доверяете ли Вы частному бизнесу?	До 30 лет	30-39 лет	40-49 лет	50-59 лет	60-69 лет	70 лет и старше	Итого
Да	40,3	41,4	22,6	23,8	18,2	26,0	30,2
Нет	17,1	28,6	29,6	34,5	47,0	50,6	30,8
Трудно сказать	42,6	30,0	47,8	41,7	34,8	23,4	39,0

Полученные в результате проведенного социологического исследования данные позволили сделать вывод о том, — он, кстати, в дальнейшем подтвердился, — что в белорусском обществе ни в ближайшие годы, ни в перспективе не развернется теоретическая дискуссия и тем более — политическое противостояние социальных слоев общества по вопросу «Какой тип общественного устройства — социализм или капитализм — более приемлем для Беларуси?» Скорее всего, и теоретические споры и политические дебаты сконцентрируются на природе, вернее, «облике» самого рынка. Согласно опросам, 43% граждан Беларуси, в том числе 46% граждан в возрасте до 30 лет, не желали ни социализма, ни капитализма, а предпочитали «другой строй». Этот «другой строй» и стал объектом теоретического осмысления и дискуссий во всём мире в последнее десятилетие.

Важно обратить внимание и на то, насколько адекватно воспринимали респонденты понятия «социализм» и «капитализм», какое содержание в них вкладывали. Вполне вероятно, отвечая на вопрос о предпочтительном для Беларуси общественно-политическом строе, многие люди, особенно молодые, не представляли по существу ни социализма, ни капитализма. О социализме они судили по источникам «из вторых рук», вернее, по публикациям 1990-х годов, представлявших социализм как худший тип общественного устройства. Капитализм представляли, опять же, односторонне, видя лишь его позитивные стороны и совершенно не зная его негативов, так же, как и непростого пути его формирования, а главное — той огромной цены, страданий и лишений миллионных масс, обеспечивавших его историческую поступь. И лишь столкнувшись с «практикой жизни», реальными и очень серьёзными проблемами «рыночного бытия», молодёжь начала прозревать, смотреть на мир своими собственными глазами и в результате многое переосмысливать. Голосуя за «другой строй», респондент отказывал в доверии тому социализму, который неимоверными усилиями и жертвами многих поколений советских людей строился в нашей стране, но так и не был построен. Впрочем, еще

в 1894 году Ф. Энгельс высказал предположение, что без рабочего движения Запада, без победы современного промышленного пролетариата «сегодняшняя Россия ни на основе общины, ни на основе капитализма не может достичь социалистического переустройства общества» [7. С. 453]. Полагаем, что и капитализм многие, особенно старшее поколение людей, рассматривали в 1990-е годы в свете неприглядной картины бесконечного процесса «разгосударствления», дележа и «передела» государственной собственности, поляризации общества и т. п. негативов той исторической эпохи. Полагаем, эта картина постсоветской социальности на рубеже XX — XXI веков воспроизводила сущность буржуазного общества эпохи первоначального накопления капитала, вскрытую в своё время К. Марксом [8. С. 11].

Государство предполагает наличие стройной системы правовых актов, регулирующих взаимоотношения между гражданами, а также между гражданами и государством. Беларусь формировала законодательную базу в спешном порядке в 90-е годы прошлого века. Тогда ещё не были четко определены ни экономическая стратегия, ни политический курс государства. Говоря по существу, само социальное бытие, не устоявшееся, не определившееся, не проявившее само-себя не позволяло принять стройную систему законов. Именно по этой причине только что принятая парламентом (в тот период — Верховным Советом Республики Беларусь) новая законодательная база буквально на глазах отставала от «практики жизни» и требовала корректировки. Как и в России, регулиющую роль стали выполнять декреты президента. Но «правовая релевантность» негативно воспринималась гражданами, не успевающими «вписываться» в постоянно меняющиеся «правила игры», и в целом отрицательно сказывалась на социально-политической стабильности Беларуси.

В связи с этим вопрос о «мягких» и «жестких» формах правления активно обсуждался в Беларуси в 1990-е годы. Граждане тогда высказались на референдуме в пользу централизованной власти, обеспечивающей управляемость государства. Это было важно в тот период — период радикальных общественных трансформаций. Необходимость централизованной власти сохраняется и в наши дни. Во-первых, современная эпоха не только динамична, но и непредсказуема. Мир стал чрезмерно спрессованным, и события, происходящие, казалось бы, очень далеко от границ нашего государства, оказывают на нас, как и на всё мировое экономическое и политическое пространство, непосредственное влияние. Для оперативного и адекватного реагирования на происходящие процессы нужна централизованная власть.

Во-вторых, в Беларуси, в отличие от западных стран и России, до сих пор не сформированы мощные политические партии. Партии есть, но все они находятся в эмбриональном состоянии и не способны ни бороться за власть, ни, тем более, управлять обществом. И не потому, что кто-то препятствует формированию партий. Просто пока ещё не назрела историческая потребность в политических партиях. Всему своё время: согласно нашему исследованию, 49,3% респондентов считали, что политические

партии не оказывают на политику государства никакого влияния, только 8,7% опрошенных лиц придерживались противоположного мнения.

В 1990-е годы политико-экономическая альтернатива «социализм — капитализм» в общественном сознании белорусов была дополнена цивилизационной альтернативой «Восток — Запад». Более того, порой цивилизационное противостояние в мировоззренческой парадигме белорусской интеллигенции преобладало над политико-экономической, особенно когда решался вопрос о союзном государстве Беларуси и России.

Сторонники «национальной идеи» в её радикальном варианте были противниками объединения восточных славян на постсоветском пространстве, а поэтому старались дискредитировать саму идею восточнославянской цивилизации, используя для этого целенаправленную подборку соответствующих исторических фактов и их предвзятую интерпретацию.

Граждане Беларуси не поддерживали национализм как политическую идеологию. В основной своей массе они отстаивали принципы добрососедства и взаимного уважения. Это подтверждали и социологические опросы населения, которые регулярно проводились Институтом социологии НАН Беларуси, а также реализованное нами в 2004 году социологическое исследование, посвященное проблеме социальной консолидации общества (табл. 6).

Таблица 6

**Отношение населения к внешнеполитическим стратегическим целям Беларуси
(в процентах к числу опрошенных)**

Цель	Год	Поддерживаю	Не поддерживаю	Затрудняюсь ответить
1. Независимость Беларуси и сотрудничество в первую очередь с Россией и странами СНГ	1996	66,7	12,6	13,5
	1998	59,3	13,9	21,5
	2004	73,1	11,9	15,1
2. Экономический союз с Россией	1994	79,4	7,1	13,5
	1996	64,9	12,6	12,8
	1998	57,7	17,1	19,1
	2004	72,9	14,4	12,7
3. Объединение с Россией в одно государство	1996	28,3	41,2	18,1
	1998	23,5	44,6	24,4
	2004	29,3	48,1	22,6
4. Возрождение политического единства бывшего СССР	1994	53,5	22,3	24,4
5. Независимость Беларуси и сотрудничество в первую очередь с западными странами	1996	40,8	27,1	21,7
	1998	50,1	19,0	25,4
	2004	44,8	34,5	20,6

Такая ситуация позволила Беларуси избежать военных конфликтов и сохранить в своей стране спокойствие, в отличие от ряда других постсоветских государств.

В целом, если говорить о первом и самом трудном этапе становления суверенной Беларуси, можно отметить следующее. Этот период реформирования общественных устоев Беларуси был не столь простым, как может показаться на первый взгляд. Беларусь, как и её соседи, пережила непростую эпоху, была отброшена назад в экономическом, образовательном и духовно-культурном плане. Не избежало государство серьёзных потерь, связанных с мировым финансово-экономическим кризисом начала XX века, в результате которого пострадали наши традиционные устойчивые рынки сбыта промышленной и сельскохозяйственной продукции — Россия и Украина, а также новые рынки, сформированные в последние годы на Западе. Белорусскому государству приходится сталкиваться с реалиями рыночного хозяйства, для которого характерны взлёты и падения. Тем не менее, в сложнейших условиях Беларуси удалось осуществить реформирование общественных устоев без политических потрясений и с потерями, терпимыми для граждан и народного хозяйства. Принципиальное отличие реформ состояло в том, что они проводились взвешенно и постепенно. Государство сумело сохранить базовые отрасли народнохозяйственного комплекса, ведущие учреждения образования, науки и культуры.

Инновационный тренд экономической сферы современной Беларуси: проблемные ситуации и пути их решения

Сравнительный анализ стратегий социально-экономического развития России, Беларуси и Казахстана, основных субъектов ЕАЭС, позволяет говорить о их сходстве. Все три государства ориентированы на мощное технологическое развитие, формирование высокотехнологичных компаний, производство собственной наукоёмкой продукции, все ставят цель войти в группу лидирующих государств.

В. Путин в Послании Федеральному собранию от 1 марта 2018 года, носящем, по его словам, «рубежный характер», наряду со «сбережением народа» и созданием условий «для развития, самореализации, творчества каждого человека» определил в качестве ключевой задачу «использовать колоссальные возможности технологической революции». И поскольку «скорость технологических изменений нарастает стремительно, идёт резко вверх», «тот, кто использует эту технологическую волну, вырвется далеко вперёд. Тех, кто не сможет этого сделать, она — эта волна — просто захлестнёт, утопит. Технологическое отставание, зависимость означают снижение безопасности и экономических возможностей страны, а в результате — потерю суверенитета»[9]. Россия, считает В. Путин, должна «прочно закрепиться в пятёрке крупнейших экономик мира» [9].

В таком же тренде выстраивается экономическая политика Казахстана. Президент Н. Назарбаев в послании народу Казахстана подчеркнул: «...мы должны четко осознавать, что достижения Казахстана — надёжная база, но не гарантия завтрашних успехов. Эпоха «нефтяного

изобилия» практически подходит к концу. Стране требуется новое качество развития. Глобальные тренды показывают, что оно должно основываться в первую очередь на широком внедрении элементов Четвертой промышленной революции» [10]. Республика Казахстан сделала ставку на индустриализацию и внедрение новых, в том числе «умных технологий», развитие человеческого капитала, эффективное государственное руководство.

Такого же мнения придерживаются и учёные. Директор Института экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан академик НАН РК Азимхан Сатыбалдин сетует на то, что «успешный экономический рост страны пока базируется на интенсивном освоении природных ресурсов. Эта модель ставит экономику Казахстана в сильную зависимость от конъюнктуры мировых сырьевых рынков, в чем мы убедились в последние два года. ...Поэтому если мы хотим интегрироваться на равных в мировую экономику, если хотим с пользой для себя адаптироваться к требованиям глобализации, то нельзя и далее в своем развитии делать ставку только на природные ресурсы» [11. С. 20].

Республика Беларусь, не обладающая природными мощными запасами энергоресурсов, ещё в 1990-е годы предприняла попытку переориентирования экономики на производство высокотехнологичной и менее энергоёмкой продукции. В частности, это предусматривалось разработанной концепцией и программой развития промышленного комплекса Республики Беларусь на 1998–2015 годы [12]. Но решить эту серьёзную задачу в тот период не представлялось возможным — не было необходимых для её выполнения ни финансов, ни специалистов. Как известно, за годы советской власти БССР стала одной из мощнейших промышленно развитых республик, производившей автомобили (в том числе тяжёлые карьерные самосвалы, колёсные тягачи для нужд армии), тракторы, двигатели, станки, подшипники, пассажирские лифты, кормоуборочные комбайны, мотоциклы, велосипеды, холодильники, телевизоры, интегральные схемы и многие другие изделия, которые были рассчитаны на огромный рынок СССР. «Переналадить» в одночасье этот громадный промышленный комплекс было не под силу молодому государству. Поэтому производство наукоёмкой и менее энергоёмкой продукции было определено в качестве перспективы. Пока же решалась задача сохранения и технического перевооружения тех промышленных предприятий, на продукцию которых прогнозировался спрос в будущем. В частности, модернизировались Новополоцкий и Мозырский нефтеперерабатывающие заводы, автомобильный и тракторный заводы и другие предприятия. Что касается специалистов, то на рубеже XIX–XX вв. в сфере подготовки научных кадров наблюдался своего рода перекося — резкое сокращение выпускников вузов и аспирантуры по физико-математическим, химическим, биологическим, техническим, сельскохозяйственным наукам и в то же время значительный рост выпускников по экономическим, юридическим, историческим и филологическим наукам [13. С. 99–102]. Но

именно программисты, математики, физики, химики, биологи, подготовленные белорусскими вузами, оказались весьма востребованными в других странах. Государство столкнулось с серьёзной проблемой оттока молодых специалистов за рубеж.

Тем не менее, вопрос производства наукоёмкой продукции с повестки дня не снимался. В 2011 году было принято постановление Совета Министров Республики Беларусь «О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2011–2015 годы» [14]. В нём были определены конкретные задачи в области инновационного развития, предполагающего соответствующую интеллектуальную базу. Постановлением, в частности, ставилась задача «формирования новых научных школ и направлений в сфере нанонауки; организации подготовки кадров, предусматривающей развертывание системы высшего образования в области нанотехнологий» [14].

В дальнейшем был разработан проект стратегии «Наука и технологии: 2018–2040» [15] и вынесен на рассмотрение делегатов Второго съезда ученых Республики Беларусь, прошедшего 11–13 декабря 2017 года в Минске. По сути – это «долгосрочная стратегия формирования и развития модели белорусской экономики, основанной на интеллекте, – «Беларуси интеллектуальной»» [15. С. 3]. «Беларусь интеллектуальная» представляет собой конкретный ответ на запросы социальной практики. Реализация данного проекта рассчитана на 22 года (с 2018 г. по 2040 г.) и пройдет в три этапа. В нём представлены возможные сценарии интеллектуализации различных сфер народнохозяйственного комплекса Республики Беларусь. В проекте, в частности, нашли отражение многие сегменты народнохозяйственного комплекса нашего государства, начиная с науки и инновационной деятельности и заканчивая финансовым обеспечением научно-технологического развития. Важно отметить то, что предложенный проект нацеливает белорусское общество не на воспроизводство (копирование) созданных кем-то продуктов, не на то, чтобы кого-то догонять и, естественно, оказываться в роли «постоянно догоняющего», а на выстраивание экономики на принципиально иной базе, позволяющей создавать собственный уникальный продукт.

С момента обнародования проекта «Беларусь интеллектуальная» прошёл ровно год, и уже есть возможность дать какую-то оценку хода его реализации. О том, что достигнуто, свидетельствуют статистические материалы, об этом говорил президент А. Лукашенко на встрече с российскими журналистами 13 декабря 2018 года. Наряду с отечественными разработками в области машиностроения (Минский завод колёсных тягачей, комплекс «Полонез» и др.) он отметил отечественные достижения в IT-сфере (Парк высоких технологий) и в области трансплантологии. И, что особенно важно, назвал в качестве положительного явления принципиально новые подходы в подготовке научных кадров для IT-сферы, реализуемые совместно государственными вузами и Парком высоких технологий [16]. И хотя не так много сделано в национальной IT-сфере, тем не менее, определенные подвижки есть.

Социальный проект «Беларусь интеллектуальная» — это не отдельные, пусть даже успешные точки ИТ-сферы, а что-то гораздо более масштабное. Поэтому было бы ошибочным видеть цель этого проекта в преобразовании лишь экономического базиса страны. На новый технико-технологический и интеллектуальный уровень следует переводить как экономику, так и все другие сферы общественной жизни, всю страну — в конечном счете, производство и воспроизводство самого человека.

Любой социальный проект реализуется людьми. Но «люди» — собирательное понятие. Социальное действие совершается конкретным индивидом — либо самим по себе, т. е. индивидуально, либо вовлеченным в определенные коллективы. Полученный результат — это надиндивидуальный продукт, результат коллективного труда. Тем не менее, в этом масштабном конечном продукте заключён труд отдельного индивида, представляющего собой социальный атом — ту маленькую социальную единицу, из которых, собственно, и состоит социум. Реализация социального проекта «Беларусь интеллектуальная», в таком случае, замыкается на этот маленький социальный атом, и именно от него будет зависеть конечный результат данного проекта.

Человек в социальном проекте «Беларусь интеллектуальная» представлен как субъект (творец идей и целеустремленный в своей практической деятельности человек) и как объект — человек, на которого направлена деятельность, но который не чисто механически воспринимает и слепо подчиняется этому воздействию, а, наоборот, целенаправленно и адекватно реагирует на него. В конкретной ситуации каждый человек способен оказаться в одной из двух социальных ролей — либо субъекта, либо объекта. С учетом этого важно добиться того, чтобы молодой человек обрёл навыки выполнения этих двух основных социальных ролей. При этом не только роль субъекта, но и роль объекта воспринимал как ответственную и творческую социальную роль.

Какими качествами должен обладать индивид, чтобы активно включиться в реализацию столь амбициозного проекта? Думается, он должен прежде всего обладать такими качествами: социальной активностью, целеустремленностью, личной заинтересованностью, нравственной и эстетической культурой и, конечно же, соответствующим уровнем интеллектуального развития.

А это уже сферы науки, образования, культуры в целом. Мы выходим на проблемы социализации, обучения, воспитания. Главное звено — подготовка специалиста. Решается она системой образования. Что мы имеем в этой сфере?

В первую очередь, своего рода «долгострой» — затянувшийся чуть ли не на три десятка лет процесс реформирования советской системы науки, образования и подготовки научных кадров. Несмотря на столь активное реформирование данной сферы, пока в стране не выстроена *система* образования: дошкольные учреждения — школа — вузы — научно-исследовательские учреждения (институты, центры и т. д.) — производство (включая сферу управления).

На первый взгляд, картина может показаться позитивной. По количеству вузов и количеству выпускников из них мы давно превосходили советскую эпоху. Правда, количество принятых в вузы студентов в последние годы постоянно сокращается, но это связано с демографической ситуацией конца 1990-х годов. Если в 2011/2012 учебном году численность студентов в учреждениях высшего образования составляла 445,6 тыс. человек, то в 2017/2018 учебном году — только 284,3 тыс. человек, т. е. на 161,3 тыс. меньше. В 2011 году в учреждения высшего образования было принято 96,0 тыс. человек, в 2017 году — только 61,8 тысяч, т.е. на 34,2 тысячи меньше [17. С. 57–58]. Как позитивный факт отметим рост численность специалистов с дипломом магистра по профилю образования [17. С. 62]. Но вот по количеству исследователей произошло сокращение — не хватает средств. В 2010 году численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками в Республике Беларусь, составляла 31 712 человек, в 2017 году — 26 483 человека, т. е. сократилась на 5 299 человек; численность исследователей составляла (соответственно) 19 879 и 17 089, т. е. сократилась на 2 790 человек, в том числе: в области естественных наук на 233 человека, в области технических наук — на 2 190 человек, в области медицинских наук — на 141 человека, в области сельскохозяйственных наук — на 206 человек. В области социально-экономических и общественных наук — на 108 человек. И только в области гуманитарных наук численность исследователей увеличилась на 88 человек [18 С. 366]. А ведь наука — это не только важнейший компонент интеллектуального капитала, это его база.

Как негативную отметим устойчивую тенденцию снижения численности выпускников из аспирантуры и докторантуры. В 2017 году выпуск из аспирантуры составил 803 человека, в том числе в отрасли физико-математических наук 46, химических — 12, биологических — 44, технических — 175, сельскохозяйственных — 34, экономических — 78, педагогических — 66, филологических — 51, юридических — 39 [18. С. 46]. Для сравнения: 2005 году выпуск из аспирантуры составил 1296 человек, в том числе в отрасли физико-математических наук 69, химических — 31, биологических — 79, технических — 272, сельскохозяйственных — 56, экономических — 182, педагогических — 166, филологических — 96, юридических — 78 [19. С. 46].

Укажем также на невысокий уровень финансирования науки. Впрочем, это касается и других стран Евразийского экономического союза. В Республике Беларусь внутренние затраты на научные исследования и разработки составили в 2010 году 0,67% к ВВП, в 2017 году — 0,59% к ВВП [18. С. 366]. В России эти цифры выглядят лучше: внутренние затраты на исследования и разработки составили в 2016 году 1,10% к ВВП, однако из средств федерального бюджета финансирование науки составило лишь 0,47% к ВВП [20. С. 348]. По сравнению с развитыми государствами — это мизер. В 2016 году в Израиле они составили 4,25% к ВВП, Корею — 4,24%, Японии — 3,15%, Финляндии — 2,75%, Швеции — 3,25%, Германии — 2,94%, Дании — 2,87%, Китае — 2,11% [21, с. 148–149].

Следовательно, и в России, и у нас наукоемкость ВВП чрезвычайно низкая. Впрочем, и ВВП не только Беларуси, небольшого государства, но и России не столь велики, как Китая или Германии. И как в таких финансовых условиях создавать био- и нанотехнологии? С другой стороны, требует-ся более бережное отношение к выделяемым на науку средствам.

Нельзя не сказать о нехватке отечественных средств для создания отвечающей требованиям XXI века экспериментальной базы фундаментальной науки. Научно-исследовательским институтам и вузам приходится обращаться за помощью к другим государствам, создавать совместные научно-исследовательские центры. Но в таком случае полученные научные результаты тоже являются совместными. И учитывая нашу традиционную нерасторопность эти результаты, скорее всего, будут внедрены в практику нашими партнёрами. Отсюда же возникли проблемы «утечки молодых специалистов», старения преподавателей и исследователей, прекращение деятельности ряда известных отечественных научных школ.

Перевод народнохозяйственного комплекса страны на новый технологический уровень потребует огромных финансовых затрат. Их, однако, не хватает. В Беларуси накапливается внешний долг. На конец 2017 года валовой внешний долг Республики Беларусь исчисляется 39,9 млрд. долл. США, что составляет 73,4 % её ВВП [18. С. 23]. Причем, долг возрастает как в численном выражении, так и в процентном отношении к ВВП: в 2000 году он составлял 2,1 млрд. долл. США (16 % к ВВП), в 2005 году — 5,1 млрд. долл. США (17 % к ВВП), в 2010 году — 28,4 млрд. долл. США (49,9 % к ВВП), в 2015 году — 38,3 млрд. долл. США (67,3 % к ВВП) [18. С. 22–23]. Президент Республики Беларусь А. Лукашенко по этому поводу отмечает: «Главный вызов, с которым надо справиться Правительству и Нацбанку в ближайшие годы, — «перерасти» долговую нагрузку и выйти в зону безопасности. Будущим поколениям мы должны оставить Беларусь без долгов!» [22]. С негативными последствиями долгов сталкиваются и другие субъекты ЕАЭС, например Казахстан. Азимхан Сатыбалдин указывает на «сохранении высокой зависимости банковской системы от внешних заимствований» [11. С. 16], а это, по его мнению, одно из проявлений дисбаланса в экономике.

Одна из важнейших задач, поставленная главой белорусского государства, — максимальная экономия средств. Впрочем, возникла она не сейчас. Еще в июне 2007 года А. Лукашенко была издана директива № 3 «Экономия и бережливость — главные факторы экономической безопасности государства». В ней предложен комплекс мер, направленных на обеспечение экономии топливно-энергетических и материальных ресурсов страны. В январе 2016 года в данную директиву были внесены существенные изменения, и она была изложена в новой редакции под названием «О приоритетных направлениях укрепления экономической безопасности государства». Изменения и дополнения направлены как на экономию и бережливость, так и на дальнейшее повышение

эффективности народнохозяйственного комплекса в целом. В частности, в силу сложившейся неблагоприятной ситуации на ближайшую перспективу ставятся следующие основные задачи: диверсифицировать экспорт; создать необходимые условия для выпуска инновационной и высокотехнологичной продукции, соответствующей V и VI технологическим укладам; значительно повысить качество управления промышленным комплексом; «создать многоуровневую систему популяризации интеллектуального творчества и инновационного предпринимательства в качестве государственно-значимой и социально престижной сферы деятельности» [23] и др.

О диверсификации белорусского экспорта следует сказать особо. Дело в том, что важнейшими видами продукции, экспортируемой из Беларуси в *высокоразвитые* государства, являются: нефтепродукты (12 301,9 тыс. т, из них в Нидерланды — 1 148,8 тыс. т, Великобританию и Северную Ирландию — 5 776,4 тыс. т), азотные и калийные удобрения [18 С. 470–471]. Нефтепродукты и сжиженный газ экспортируются также в Украину (в 2017 году туда было экспортировано 3 581,0 тыс. т нефтепродуктов и 498,1 тыс. т сжиженного газа) [18. С. 470–471].

Основным рынком сбыта продукции машиностроительных предприятий, а также сельхозпродукции являются страны СНГ, главным образом Россия. Без этого рынка экспорт белорусской продукции оказался бы в критической ситуации. Именно поэтому Беларуси важно создавать принципиально новый, интеллектуальный продукт, который бы заинтересовал высокоразвитые государства.

Один из возможных выходов из сложившейся ситуации — «включение отечественной науки в систему мирового разделения и кооперации труда» [15. С. 33]. К такому выводу пришли разработчики проекта «Беларусь интеллектуальная». Но «включаться» в систему мировой науки следовало бы не поодиночке, не секторами, а в целостном виде — в виде сложившейся системы белорусской национальной науки. В противном случае мы растворимся в мировой науке и потеряем национальное лицо. И это уже частично происходит в силу того, что талантливые молодые учёные *поодиночке* встраиваются в те или иные национальные сообщества учёных — успешно работают в научных школах США, Германии, Великобритании, Канады и других государств. Решать эту задачу следовало ещё в 1990-е годы. Но она была пущена на самотек. И вот сейчас мы уже в полной мере ощутили всю серьёзность проблемы «утечки мозгов», поскольку наше небольшое государство при всём желании его правительства не в состоянии обеспечить исследователей таким уровнем условий труда, который характерен для высокоразвитых государств. Безусловно, в области IT-технологий, где не требуется дорогостоящее научно-исследовательское оборудование, исследователи могут успешно трудиться и у нас в стране, что подтверждается практической деятельностью Парка высоких технологий. В других же областях фундаментальной науки работать на уровне мировых стандартов становится всё более проблематично.

Но есть и еще одна проблема, которую на протяжении многих лет озвучивает глава государства. Это проблема внедрения научных разработок. И здесь мы, опять же, не в состоянии конкурировать с высокоразвитыми государствами, у которых перевод научных разработок в практику отработан на протяжении многих десятилетий. К тому же такой перевод требует значительных первоначальных затрат и, помимо этого, связан с определённым риском.

Хотелось бы остановиться ещё на одном аспекте предложенного социального проекта «Беларусь интеллектуальная». В нем, на мой взгляд, чрезмерно много внимания уделено чисто технико-технологическим вопросам будущего общества. Человек как главный субъект исторического процесса порой попросту растворяется в этом специфическом сообществе, созданном им же самим на платформе V и VI технологических укладов. Более того, он оказался подконтрольным их недремлющему оку.

Республика Беларусь, в отличие от других постсоветских государств, избравших радикальный путь перехода к рыночной общественной системе, выстраивает её постепенно, причем трансформируя по многим параметрам применительно к специфическим условиям жизни нашего общества, учитывая его менталитет, сложившиеся в советскую эпоху устои и т. п. Запад же заинтересован в том, чтобы постсоветские государства вписывались в его сложившуюся систему на его условиях.

Возможно ли в таком конкурентном мировом сообществе реализовать проект «Беларусь интеллектуальная» как национальный проект, и возможен ли он в принципе в рыночном обществе? Проект «Беларусь интеллектуальная» — это вариант экономики, основанной на знаниях («knowledge-based-economy»). Его придется реализовывать в современном — то ли капиталистическом, то ли посткапиталистическом — мире с его жесткой конкурентной борьбой. Поэтому потребуются не только воля и усилия всей нации, но и соответствующие материальные, интеллектуальные и нравственные ресурсы.

В заключение конспективно затрону актуальный для постсоветских государств вопрос о соотношении рыночного и государственного регулирования. В 1991–1994 гг. белорусское правительство с участием Всемирного банка, штаб-квартира постоянного представителя которого находится в Минске с 1992 года, формировало благоприятные условия для частного бизнеса и работы рынка, полагая, вслед за западными консультантами, что именно рынок разрешит накопившиеся в эпоху господства социалистического типа хозяйствования проблемы. Но первый опыт оказался неудачным — саморегулирования экономических процессов не случилось, наоборот, победила стихия. Появилась опасность полного разрушения не только национальной экономики, но и государственности. Поэтому с 1994 года в основу экономического курса была положена идея сбалансированного сочетания государственного и рыночного регулирования. Запад не принял такого курса Беларуси, он решительно настаивал на утверждении только рыночного механизма и фактически вынуждал Беларусь к проведению полномасштабной приватизации госсектора экономи-

ки. Причём, речь шла об эффективно функционирующих, системообразующих отраслях национальной экономики. По причине несогласия с предложенным либеральным курсом по отношению к Беларуси Западом были применены жёсткие санкции, которые касались Белнефтехима и других крупных концернов, основных поставщиков валюты. Но Беларусь, не без помощи России, являвшейся главным рынком сбыта белорусской продукции, сумела выжить в столь непростой ситуации. Именно за счёт российского рынка значительно увеличилось производство тракторов, карьерных самосвалов, зерноуборочных комбайнов и другой техники.

Серьёзные разногласия с Западом не означали полного отказа Беларуси от идеи рыночного регулирования. Об этом свидетельствовал постоянный рост частного сектора экономики, численности предприятий смешанной формы собственности и предприятий с иностранным капиталом, а также увеличение объёмов их продукции. Так, на 1 января 2018 года в Беларуси насчитывалось 16 047 организаций государственной собственности (11,3%), 117 742 — частной собственности (83,3%) и 7 629 — иностранной собственности (5,4%) [18. С. 245]. В целом государственной формой собственности в 2017 году было охвачено 40,1% занятого населения, частной — 56,0%, иностранной — 3,9% [18. С. 88]. В объёме промышленного производства в 2017 году государственная промышленность заняла 14,1%, частная — 24,7%, смешанная с долей государственной собственности — 56,3%, иностранная — 4,9% [18. С. 270]. А регулировать в полном объёме частный сектор государству, как известно, не под силу.

Теоретические дискуссии относительно государственного и рыночного регулирования экономической сферы в Беларуси продолжаются и сейчас. Безусловно, они оказывают определённое влияние и на практическую деятельность правительства. Оно постепенно снижает регулируемую роль государства, о чем свидетельствуют принимаемые законодательные акты, но не отказывается от неё полностью.

Главное при ослаблении регулирующей роли государства — не допустить того, чтобы национальная экономика, как и само государство, подпали под внешнее управление. Это основная причина необходимости регулирования национальным государством экономической сферы. И такую картину активного вмешательства государства в экономические процессы мы наблюдаем не только в Беларуси, но и в других государствах, в том числе в США.

Примеров внешнего управления государствами и его негативных последствий в эпоху глобализации было немало. Идеи либерализации активно продвигают в жизнь транснациональные корпорации, преследующие свои интересы. Об этом не следует забывать. Как отметил А. Лукашенко, «в мире очень часто, особенно в последнее время, роль государства пытаются принизить, свести её лишь к надуманным вопросам соблюдения прав человека. ...Облик мировой экономики всё в большей степени определяют не национальные государства, а гигантские транснациональные корпорации. Их коммерческие интересы доминируют над

политикой или договоренностями. Они же и провоцируют экономические и даже военные конфликты.» [22].

В последние годы отдельные политические лидеры критически относятся к глобализации, да и сам глобализационный процесс потеснен в какой-то мере регионализацией, возможны и явления деглобализации с вытекающими из неё новыми подходами к управленческим вопросам.

Конечно, государственное управление должно базироваться на научной основе и осуществляться компетентными лицами. Для этого и создаются соответствующего профиля учебные заведения. В Беларуси — это Академии управления при Президенте Республики Беларусь и другие вузы. И, кроме того, важно осуществлять контроль за эффективностью работы управленцев всех рангов, своевременно проводить их ротацию. В частности, А. Лукашенко поручил Совету Министров провести переаттестацию всех руководителей [22].

Республика Беларусь не является столь мощным государством, как США Китай, Германия. Она не стремится навязывать кому-то свое видение экономической сферы и способов ее регулирования. Главное для неё — сохранение суверенитета. Это фундаментальное положение внутренней и внешней политики Республики Беларусь в очередной раз озвучил А. Лукашенко 18 января 2019 года на встрече с работниками дипломатической службы [24].

Литература

1. Статистический бюллетень // Минск. 2002. № 6.
2. Адуло Т. И. О социальной консолидации белорусского общества: проблемы теории и практики / Социальная консолидация общества (сравнительный анализ на материалах России и Белоруссии) // М.: НИИ социальных исследований МГСУ — Минск: Институт философии НАН Беларуси. 2004. С. 70–107.
3. Сорос Дж. О глобализации / Пер. с англ. А. Башкирова // М.: Изд-во Эксмо, 2004.
4. Адуло Т. И. Философско-теоретические основания понимания сущности идеологии и идеологических процессов / Философские исследования: Сборник научных трудов. Выпуск 2 // Минск: Белорусская наука. 2015. С. 9–23.
5. Здесь и ниже автором использованы данные социологических исследований 1990–2000 гг., проведенных группой ученых Института социологии НАН Беларуси, опубликованные в кн.: Бушик В. В. Человек и общество в условиях социально-политических преобразований. — Минск, 1999. — 263 с. Данные за 2004 г. получены Т. И. Адуло и В. В. Бушиком в результате проведенного социологического исследования, в ходе которого было опрошено по республиканской выборке 1162 респондента.
6. Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь (са змяненнямі і дапаўненнямі) // Минск, 1997.
7. Маркс К. Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс // М.: Госуд. изд-во полит. лит-ры, 1954–1974. Т. 22.
8. Маркс К. Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс // М.: Госуд. изд-во полит. лит-ры, 1954–1974. Т. 7.
9. Послание В. Путина Федеральному собранию [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.discred.ru/2018/03/01/poslanie-vladimira-putina-federalnomu-sobraniyu-2/>. Дата обращения: 28.12.2018.
10. Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана. 10 января 2018 г. Новые возможности развития в условиях четвертой промышленной революции [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.akorda.kz/>

- ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-n-nazarbaeva-narodu-kazahstana-10-yanvarya-2018-g. Дата обращения: 28.12.2018.
11. *Сатыбалдин Азимхан*. Социально-экономическое развитие Казахстана: основные тренды, проблемы и перспективы // Общество и экономика. 2017. № 9. С. 9–25.
 12. Концепция и Программа развития промышленного комплекса Республики Беларусь на 1998–2015 гг. // Белорусский экономический журнал. 1998. № 2. С. 4–25.
 13. *Адуло Т. И.* Человек на рубеже тысячелетий: поиск духовных оснований бытия // Минск: ИСПИ. 2003.
 14. Постановление Совета Министров Республики Беларусь «О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2011–2015 годы» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://do.gendocs.ru/docs/index-376993.html>. Дата обращения: 08.01.2014.
 15. Стратегия «Наука и технологии 2018–2040» // Минск. 2017.
 16. Суверенитет для Беларуси – это святое // СБ. Беларусь сегодня. № 242 (25629). 15.12.2018 г.
 17. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь / Статистический сборник // Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь. 2018.
 18. Республика Беларусь / Статистический ежегодник. 2018 // Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь. 2018.
 19. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь / Статистический сборник // Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь. 2011.
 20. Россия в цифрах. 2018 / Краткий статистический сборник // М.: Федеральная служба государственной статистики (Росстат). 2018.
 21. Беларусь и страны мира / Статистический сборник // Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь. 2018.
 22. Мы знаем, куда идем и чего хотим. Выступление Президента при обращении с ежегодным Посланием к белорусскому народу и Национальному собранию [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/my-znaem-kuda-idem-i-chego-khotim.html>. Дата обращения: 25.04.2018.
 23. *Гусаков В. Г.* Аксиосфера белорусской науки и пути ее совершенствования / сб. докл., выступлений, публикаций в СМИ, приветственных и вступ. слов Предс. Президиума НАН Беларуси В. Г. Гусакова // Минск: Беларуская навука. 2017.
 24. О внесении изменений и дополнений в Директиву Президента Республики Беларусь № 3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/ukaz-26-ot-26-janvarja-2016-g-12976/. Дата доступа: 29.01.2016.
 25. Внешняя политика: курс верный // СБ. Беларусь сегодня. № 12 (25650). 19.01.2019 г.